ВАЛЕРИЙ МЕРИНОВ

merinov@bsu.edu.ru

ПСЕВДОДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СОВЕТСКОМ ТОТАЛИТАРНОМ (ПОЛИТИЧЕСКОМ) ДИСКУРСЕ

XX век - век становления многих тоталитарных государств. В СССР, Германии, Италии, Китае, Северной Корее, Кубе и др. странах пришли к власти крайне левые и крайне правые политические силы. Они предложили своим народам два базовых проекта тоталитарного государства. Эволюцию тоталитарных режимов можно представить как смену основных репрессивных стратегий. Первый период - это, как правило, силовой захват (с помощью вооруженных отрядов «Красной гвардии», итальянских «чернорубашечников», штурмовиков СА и т.п.), удержание власти и, возможно, гражданская война. Он связан с созданием «щита и меча партии» - карательных органов внутренних дел: ЧК, ГПУ, НКВД (СССР), Гестапо (Третий Рейх), Штази (ГДР), Секуритате (Румыния) и т.д. Эти структуры применяют прямое насилие к своим политическим оппонентам: массовые расстрелы, лишения свободы, высылки за пределы страны, пытки, угрозы физической расправы.

Второй этап, характеризуется некоторым отходом от практики прямых репрессий, при остающейся важности этой компоненты и ежеминутной возможности её возвращения в период тоталитарного «обострения» (коллективизация, 1937 год, «окончательное решение еврейского вопроса» и др.). На первый план выходят более тонкие и гибкие репрессивные инструменты – контрольно-административный и пропагандистско-идеологический. Как правило, основы для этого перехода закладываются еще в первый период. Устраняются не только яркие оппозиционные политики, но и ликвидируется сама многопартийная система. Сначала громятся редакции газет, а затем законодательно оформляется уничтожение оппозиционных партий и независимых от власти СМИ.

Особенностью тоталитарного политического дискурса было то, что он значительно расходился с политической, бытовой, экономической и другими типами реальности. Тем не менее, у каждой из моделей (правой и левой) были свои специфические взаимоотношения *слова* и *реальности*. Так в правом варианте тоталитаризма зазор между семантической составляющей и действительностью был гораздо уже, чем в левой версии. Такой ситуации способствовали вполне объективные причины. Идейное обеспечение нового государства давали теории «третьего пути», «консервативной революции» (Ж. Сорель, Р. Генон, А. Мёллер

ван ден Брук, Э. Юнгер, Х. Фрайер и др.) и близкие к ним теории «заката Европы» (Р. Генон, О. Шпенглер), «геополитики» (К. Хаусхофер), «нордизма» (Ж. Гобино), «пангерманизма», с опорой на фундаментальные великодержавные и этатистско-традиционалистские установки, антисемитизм, расовые, консервативные, шовинистические и националистические идеи. Большая часть общества была оскорблена и унижена поражением в Первой мировой войне и желала реванша. Не имело смысла таить многие вещи. К примеру, там никогда не скрывался авторитарный (принцип вождизма) или корпоративный характер власти, сословно-солидаристские принципы устройства общества. Открыто провозглашался отказ от современного правоведения (К. Шмидт), утверждалось право на революционную расправу. Публиковались списки книг неугодных писателей и философов с «антинемецким» содержанием подлежащих уничтожению. Демонстративно в присутствии зрителей и представителей СМИ книги сжигались. Не скрывался сегрегационный характер общества. Открыто культивировалась расовая и национальная агрессия и нетерпимость. С высоких трибун провозглашался курс на «расовую гигиену». Также четко прочерчивалась линия общественного «движения» вспять, установка на отказ от общественного прогресса и возврат, вернее, реконструкцию светлых времен мифологического (допросвещенческого) прошлого. В программных заявлениях и публикациях (к примеру, «Майн Кампф» А. Гитлера) намечались агрессивные планы в отношении чуждых («недоразвитых») народов и цивилизаций. Обозначались перспективы оккупации других стран, входивших в зону т.н. «жизненного пространства». Соответственно, шла открытая подготовка экономики и общественного мнения к захватнической войне, милитаризация сознания. Таким образом, национал-социалистический и фашистский политические дискурсы, в целом, отражали тоталитарную политическую теорию и практику.

В Советском Союзе, как и в других странах крайне левого выбора, ситуация была несколько иная. Здесь расхождение слова и реальности было куда более значительно и, в конце концов, повлекло за собой фатальные последствия для государства, а еще раньше – для общественной нравственности. Советская Россия объявила себя самой прогрессивной страной мира. И, как самая передовая, в перспективе, она должна была объединить все государства мира, предложив привлекательную, обладающую поистине магнетическим потенциалом модель настоящего и будущего. За время существования СССР было опробовано несколько накладывающихся друг на друга идеологических моделей-образов нового мирового коммунистического Ковчега.

Первая, Советская Россия - страна победившего пролетариата и равенства (правового и материального) граждан (здесь отсутствует «эксплуатация человека человеком», нет и самого эксплуататора - капиталиста), страна настоящей народной демократии. Вторая, Новая Россия – живой пример равноправия и «дружбы народов», прообраз мирового союза народов. Во второй половине 1940-х гг. к этому образу добавляется еще один элемент – «*Великий русский народ*», «*старший брат*» - воплощение лучших черт человечества. Он, во главе со своим вождем, шествует в авангарде прогресса к построению коммунизма. Последняя корректировка курса обозначила новую направленность, с четко выраженным

«поправением» советской тоталитарной системы.

Тем не менее, советский политический дискурс был левый, рожденный в недрах европейских социал-демократического и коммунистического движений. Левый политический дискурс – это дискурс, строящийся вокруг главных концептов - *социальная справедливость* и *народовластие*. Демократическая традиция искалась повсюду, в том числе и в прошлом. Так, в СССР в культурном строительстве на вооружение бралась ленинская теория «двух культур». Культура (отечественная и мировая) предстала двуликим Янусом. С одной стороны, защитники старого монархического, феодального строя ретрограды и консерваторы, с другой, прогрессивные люди всего человечества, приверженцы свободы и демократии (еретики, ученые, деятели революционно-демократического движения, декабристы, Французская революция, писатели-демократы, деятели культуры народно-демократической ориентации и т.д.).

Эта преемственность закреплялась и в советской политической, научной, государственно-правовой терминологии. СССР предстал как вершинное достижение в создании истинной демократии. Заметим, демократические принципы организации общества (субъектность (активность) социального низа, свободное волеизъявление, политическая активность и т.п.) и тоталитарная реальность (сверхорганизация и тотальный контроль политического верха над всеми сферами жизни как цель и смысл тоталитарного государственного устройства) немедленно пришли в противоречие. Это потребовало прямых репрессий с самого начала существования советских политических структур.

Неслучайным выглядит тот факт, что у истоков создания советского государства лежали несколько знаковых событий и законодательных актов, направленных на уничтожение именно демократических институтов. Одним из первых декретов новой власти стал Декрет о печати 27 октября (9 ноября) 1917 года, по сути, объявивший вне закона всю небольшевистскую («буржуазную») прессу. Декрет о суде 22 ноября (5 декабря) 1917 года форсировал уничтожение демократической судебной системы. Учреждались революционные трибуналы. С 7 (20) декабря 1917 года основным орудием красного террора стала ВЧК с неограниченными репрессивными полномочиями. Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции 28 ноября (11 декабря) 1917 года объявил вне закона партию кадетов и фактически ввел запрет политических партий и политической деятельности как таковой. Разгон в январе 1918 года «Учредительного собрания», представлявшего собой демократический выборный орган, созданный на основе свободных выборов ноября 1917 года, завершал начальный период становления советского варианта тоталитаризма. Политические выборы отменялись.

Дефицит демократической легитимности тоталитарной власти требовал уделять особое внимание политическому дискурсу. Советский дискурс был нарочито демократическим, тем самым, сбивая с толку не только иностранцев, но и собственных граждан, рождённых внутри этого лексического тумана. Советский человек был погружен в фиктивный мир легимимизирующих большевиков мнимостей, не просто искажавших реальность, а, по сути, её замещавших. Обман, спектакль – цель и содержание жизни советского мира – выдает в советском строе

один из самых циничных и бесчеловечных режимов, ориентированных не на реальность живого человека (прежде всего на его боль и страдания), а на нечто фантомное – идеологическое нормативное ***слово*** (варианты: образ, картинку, музыку, нормативную псевдореальность). Это был режим перманентной информационной войны, развязанной большевиками и против собственного народа, и против всего цивилизованного мира. Кстати, эта особенность не укрылась от внимания современников. Её увидели и изобличили М.А. Булгаков («Белая Гвардия»), и В.В. Набоков («Приглашение на казнь»), И.С. Шмелёв («Солнце мертвых») и И.А. Бунин («Окаянные дни»). Эти и другие авторы проницательно показали, как новое лживое, тоталитарное слово ведет конкретного живого человека к расчеловечиванию (нравственной деградации), а, в конечном счёте, и к смерти. Так, к примеру, в «Окаянных днях» И.А. Бунина большевистский вождь разоблачается автором «… *как лженаследник, подложный царь, выскочка, самозванец … верховный лжец, который под «издевательской вывеской: «Свобода, братство, равенство, социализм, коммунизм!», крепко «усевшись на шею народа», готовит ему «новое рабство*» (Бунин, 1999: 154).

Но это только одна сторона вопроса, другая – состояние общественного сознания и морали, подвергнутого обработкой разрушенного «больного» слова. Результатом этой бомбардировки, становится укоренённый «… *социальный стереотип, мифологизующий и развращающий сознание социальных низов, программирующий деструктивную, в полярных категориях, реакцию на мир. На одном его полюсе расположились «обыватель», «поп», «буржуй», «деспот», «царский опричник», «сгнивший трон Романовых», на другом – «павший борец», «освободительное движение», «свет социализма» и сам русский «народ-богоносец». … пустое мёртвое слово убивает живое: «лжи столько, что задохнуться можно ... лгут теперь на каждом шагу*» (Бунин, 1999: 106)… *Последствия лжи оказываются губительны для страны. Сфера индивидуального и социального сознания предельно уменьшается: «Да, повальное сумасшествие. Что в голове у народа?»* (Бунин, 1999: 140)» (Меринов, 2007: 144-150).

И.А. Бунин непосредственно столкнулся только с начальным этапом строительства левого тоталитаризма. В дальнейшем, по мере выстраивания государственных структур, область применения псевдодемократической лексики только расширялась, охватывая новые и новые сферы (государственно-правовую, военную, искусство, гуманитарную науку, журналистику и т.д.). Анализируя советскую эпоху, мы погружаемся в мир обманчивых представлений и лживых самоназваний.

Псевдодемократическая лексика утвердилась в самом названии государства «победившего социализма» - *СССР*. Оно носило явно демонстративный характер. Каждое из слов подчеркивало демократическую сущность нового государства, хотя на самом деле представляло собой попытку скрыть настоящую реальность. Так, можно поставить под сомнение саму «советскость» Советского Союза. Советы были элементом в системе представительной власти. Однако, во властных взаимоотношениях с самого своего основания они играли явно подчинённую роль, являлись инструментом т.н. «диктатуры пролетариата». Всей полнотой власти обладала только коммунистическая партия (точнее, её верхушка – Политбюро, ближний круг вождя и сам вождь), установившая партийно-

властную монополию. Тем самым, советы как органы народоправия, оказались ширмой для деятельности партии. Такой же ширмой стали и термины «*диктатура пролетариата*», «*первое в мире государство рабочих и крестьян*», прикрывавшие фактическую диктатуру одной партии.

Советский Союз никогда не был настоящим «союзом» народов. Союз предполагает добровольное согласие на вступление в организацию. Многие «республики» и национальные окраины вошли в состав будущего СССР в ходе гражданской войны. Украина, Грузия, Армения, Азербайджан уже обладали к моменту их «вступления» в состав большевистской России государственными (протогосударственными) структурами (См. Арутюнов). Многочисленные документы свидетельствуют о планах большевиков, которые в разных ценностно-дискурсивных практиках могут звучать по-разному, например, в рамках имперско-националистической (государственнической) традиции как «*восстановление исторических границ великой России*», а в национально-освободительных терминах – как «*вооруженный захват*», «*оккупация*», «*аннексия*» независимых государств. Так, к примеру, в политическом отчете Центрального Комитета на VII экстренном съезде РКП(б) 7 марта 1918 года Ленин, в частности, заявил, что нынешнее военно-политическое положение позволяет организовать «*триумфальное шествие*» революции не только в Европейской России, но и «*… перекинуться в Финляндию, начать завоевывать Кавказ, Румынию*» (Ленин, 1969: 9). Ясно, по крайней мере, одно: надежные демократические процедуры, легитимизирующие добровольное вхождение некоторых «республик» в новое государство, отсутствовали. Позже, в конце 1930 - нач. 40-х гг., присоединение новых территорий (Бессарабии и Северной Буковины, части Западной Украины и Белоруссии, а также восточной Польши), по соглашению Молотова-Риббентропа получат наименования «*воссоединение*», «*освобождение*» и «*освободительный поход Красной армии*».

Также трудно назвать СССР «*социалистическим*» государством. Социализм, как учение и политический строй, имеет множество определений и форм (утопическая (Т. Кампанелла), марксистская, социал-демократическая и т.д.). Однако несколько идей являются для них интегральными: равенство, социальная справедливость, свобода. Сама этимология лексемы *социализм* (от латинского слова *socialis* - общественный) – выдает в ней особое значение общества, предполагает субъектность социума, его широкие права. В нашем случае общество фактически было отстранено от принятия решений, от его имени говорила всё та же всемогущая Партия и её Вождь.

Входили ли в состав СССР «республики»? На наш взгляд, национальные образования, составившие тело Советского государства, называть «*республиками*» также не вполне корректно. «*РЕСПУБЛИКА (лат. res/publica от res - дело, publicus - общественный) - форма государственного правления, при которой все высшие органы власти либо избираются, либо формируются общенациональными представительными учреждениями (парламентами), а граждане обладают личными и политическими правами*» (См.: Сухарев, Крутских). Республиканский строй предполагает честные и справедливые выборы власти, наличие реальных демократических республиканских институтов (парламента). Всего этого в СССР просто не

существовало. Таким образом, СССР не был ни «*союзом*», ни «*советским*», ни «*социалистическим*», ни «*республикой*». К слову, по этому же принципу получали свои наименования и другие тоталитарные «страны народной демократии», охотно включавшие в название государства термины «*демократическая*», «*социалистическая*», «*народная*», «*республика*»: КНДР (Северная Корея), КНР (Китай), ГДР (Восточная Германия), СФРЮ (Югославия) и т.д.). Некоторые остаются и поныне, во главе с «*Президентом*» (КНДР).

Такая же судьба постигла и политический термин «*выборы*». Советские граждане часто ходили на т.н. «выборы». Они переживали это событие как праздник. Хотя, думается, поводов радоваться было мало. Ведь «выборы», после разгона Учредительного собрания и прекращения политической жизни в стране, лишались всякого смысла и практически превратились в «голосование» за единственного кандидата. Борьба мнений, столкновение точек зрения, предвыборных программ на страницах СМИ, а также другие атрибуты политического единоборства остались в «проклятом прошлом», исчезли вместе с «*миром капитала*». Единственной и фундаментальной точкой «*выбора народа*» признавалась только Октябрьская революция, раз и навсегда, по мнению большевиков, определившая политические предпочтения граждан. Революция при этом предстала как бесконечно длящаяся во времени и пространстве. Поэтому, ситуация политического выбора была крайне популярна в советском искусстве. Сцена выбора, погруженная в художественном пространстве в разные периоды становления СССР, становилась смысловым центром произведения и дублировала свою главную модель. Так выбор перешел из реальной политической сферы в сферу символическую, в области политической риторики и пропагандистского искусства.

Псевдодемократическая лексика закреплялась и на лозунговом уровне. Лозунг «*Фабрики – рабочим!*», «*Земля – крестьянам!*» воспринимались как адекватные сложившейся реальности. Однако, на самом деле, фабрики, заводы и земля были у граждан отобраны и перешли в собственность государства. Рабочие и крестьяне лишились всякой возможности влиять на экономические процессы.

Названия советских организаций также имели демократическую составляющую. Понятие «*колхоз*» («*коллективное хозяйство*») предполагает добровольное объединение людей, коллективное ведение хозяйства, распоряжение совместной собственностью и результатами труда. Вместо этого советская власть предложила единоначалие, псевдовыборы председателя колхоза, изымание результатов труда, насилие и принуждение к неоплаченному труду. Понятие «*коллективизация*» («*социалистическое переустройство сельского хозяйства*») также представляло собой политический эвфемизм, скрывавший злодеяния режима: ограбление и раскрестьянивание земледельца, лишение его земли и гражданских прав, репрессии в отношении крестьян и их семей, голодомор и др.

Другое демократическое понятие, доставшееся СССР в наследство от дореволюционных времен, – «*профсоюз*». В советской реальности профсоюзная деятельность также претерпела коренные преобразования, лишившись, своих важнейших черт и превратившись, по сути, в свою противоположность. Советские профсоюзы подверглись огосударствлению и стали частью советской

иерархической (бюрократической и пропагандистской) машины. Как справедливо отмечает В.И. Прасолов: «*Профсоюзные организации, формально являясь общественными организациями, фактически представляли собой единую систему с четкой вертикальной иерархией, встроенную в структуру государственного аппарата. Став атрибутом административной структуры на советском предприятии, профсоюз был встроен в административный «треугольник»: партком, профком, начальство. Огосударствление профсоюза привело к их отказу от самой необходимости в противоборстве с руководителями.*

Профсоюзы были политизированы, идеологизированы и ориентированы на пропаганду идеологии правящей партии. Таким образом, институты рабочего самоуправления трансформировались в разветвленный бюрократический механизм, функционирующий на основе административно-командных принципов и подотчетный административным и партийным органам власти» (См.: Прасолов).

Понятие «*творческие союзы*» также не отражало реальность. Творческие союзы - явление демократического мира, свободные общественные организации, объединяющие своих членов на определенной эстетико-идеологической платформе. В СССР они, как и профсоюзы, превратились в свою противоположность: иерархические выстроенные организации, подчиненные партии, выполнявшие контрольно-пропагандистские функции.

Важнейшими элементами советского псевдодемократического дискурса стали понятия «*митинг*» и «*демонстрация*». «*Митинг – это массовое присутствие граждан в определенном месте для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера…Демонстрация – организованное публичное выражение общественных настроений группой граждан с использованием во время передвижения плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации*» (См.: Федеральный закон «О собраниях…»). Митинг и демонстрация - демократические формы общественной активности, инструменты общественного влияния. В СССР все общественные собрания были инспирированы властью и призваны, с одной стороны, отразить достижения «*советской демократии*»: свободу слова и выражения общественного мнения, свободу собраний, с другой, продемонстрировать «*единство партии и народа*», верность народа «*своей партии и Правительству*».

Сам демократический термин «*политическая партия*» в советской политической реальности получил наполнение, противоположное привычному пониманию. Политические партии – не просто инструменты прихода к власти какой-либо группы населения, но элемент гражданского общества, открытого политического единоборства с другими партиями. Партия (фр. partie; от лат. partīre — делить) — часть чего-либо, подмножество в составе некоего множества. Существование политических партий имеет смысл только в условиях политического плюрализма и существования других партий.

Отдельного разговора заслуживает понятие «*советская журналистика*». Журналистика – явление Нового времени и представляет собой фундаментальный общественный демократический институт. Основные задачи журналистики – поиск истины, критика социальных, политических институтов и отдельных личностей, при условии самостоятельного журналистского (редакторского) целеполагания и свободы слова, оказались для «советской

журналистики» недостижимы. «Советская журналистика» не представляла общество во всем его разнообразии, а была рупором власти, частью контрольно-репрессивного аппарата. Её высшей целью явилось создание цельного (тотального) информационно-мифологического пространства, своего рода, информационного кокона для советского человека, и, в конечном счете, «формовке» нового человека – инфантильного энтузиаста-исполнителя воли партии (См.: Добренко)

Подведем краткий итог.

Советский политический дискурс – феномен, отличающийся крайним цинизмом. По сути, мы можем говорить о терминологической тоталитарной «матрице», о советском информационно-мифологическом пространстве, задача которого состояла в замещении реальности сеткой нормативных понятий, оторванных от живой жизни. Дистанция между словом и действительностью была так велика, что в некоторых случаях требовались уточняющие определения. Так гуманизм и демократия стали «*советскими*», реализм «*социалистическим*», централизм «*демократическим*».

Список литературы:

Арутюнов А.А. Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. М., 1999. Режим доступа: http://www.rus-sky.com/history/library/arutnv3.htm

Бунин И.А. Окаянные дни // Бунин И.А. Избранное. М., 1991.

Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997.

Ленин В.И. Политический отчет ЦК 7 марта на Седьмом экстренном съезде РКП(б) / В.И. Ленин, Полн. собр соч. Т. 36. М., 1969. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=tIx5BAAAQBAJ&pg=PA9&lpg=PA9&dq=

Меринов В.Ю. Типология героев в дневниковых очерках И. А. Бунина «Окаянные дни» // Журналистика и медиаобразование в XXI веке: сб. научных трудов Междунар. науч.-практ. конф. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007.

Прасолов В.И. Роль свободных профсоюзов в политической системе современной России. Диссертация на соискание звания канд. полит. наук по ВАК 23.00.02 // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. М., 2012. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/rol-svobodnykh-profsoyuzov-v-politicheskoi-sisteme-sovremennoi-rossii#ixzz3nVIfm0IV

Сухарев А. Я. Крутских В. Е. Большой юридический словарь. М., 2003. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/17961

Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Режим доступа: http://www.yabloko.ru/Publ/Book/Yashin/protest_004.html

---

Валерий Юрьевич Меринов – кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород).